

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

Марк Абель

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с первых всеобщих выборов, проходивших в 1979 г., Европейский парламент приобретает все более и более важную роль в построении единой Европы. В парламенте заседают 518 представителей из 12 стран ЕЭС. Они объединены в 10 многонациональных политических групп; есть, однако, 9 представителей, не входящих в эти группы. Члены парламента представляют 94 национальные партии, но большинство связаны с большими политическими «семьями», такими, как социалисты, христианские демократы, либералы или коммунисты.

Число представителей стран ограничено в соответствии с количеством их населения, но способ избрания представителей определяется самими странами. Самая распространенная процедура выборов - пропорциональное представительство (исключая Великобританию, в которой выборы проводятся на мажоритарной основе).

Теперь обратимся к рассмотрению власти и возможностей Европарламента. Он является частью того, что мы называем «треугольник институтов» ЕЭС (кроме него, туда входят Европейская Комиссия и Совет Министров). В ныне действующей системе исполнительной властью обладает Совет Министров. Кратко можно сформулировать так: Комиссия предлагает, парламент обсуждает, Совет Министров решает.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА

На первый взгляд, Европарламент может показаться чем-то беспорядочным. Вначале создается впечатление, что это закрытый мир с собственными кодами и способами работы. В то же время бросается в глаза крайнее разнообразие представителей. Что общего у английского лорда, датского промышленника, итальянского философа, французского фермера и бельгийского химика?

С одной стороны, перед нами общность, в основе которой принадлежность к Европарламенту, с другой стороны - крайнее разнообразие позиций. Это относится не только к индивидуальным различиям, но и к весьма разнообразным национальным политическим традициям.

Исследователю найти свой путь в лабиринте Дворца Европы очень сложно. Альберто Моравиа (избранный в 1984 г.) сказал однажды одному из коллег, что место прохождения парламентских сессий с его километрами коридоров символизирует сложность самого института. Моя первая забота заключалась именно в том, чтобы пройти эти коридоры. С очень важным пропуском в руке тыходишь в Большой Зал, из которого можно пройти

прямо к месту заседания парламента. Но не может быть и речи, чтобы туда попал посторонний: дежурные охраняют каждую дверь и только сами депутаты, их помощники и определенные должностные лица допускаются туда. В обязанность охраны входит передача сообщений, например, просьба о встрече. Во время сессий можно наблюдать, как люди приходят и уходят с этой стратегической точки. Скамьи установлены так, чтобы можно было ожидать или говорить с депутатом с максимальными удобствами. Я регулярно сидел именно там, договариваясь о встречах в этой части дворца.

Дворец включает в себя большое количество кабинетов: практически он есть у каждого депутата. На верхнем этаже находятся кабинеты для группы президентов и членов правительства, работающих с ними. Для Президента и Генерального Секретаря Европарламента отведено большое пространство, тщательно охраняемое. В остальном кабинеты мало отличаются друг от друга. В каждом есть динамик, благодаря которому депутат может при желании следить за дебатами. Здесь есть стол, несколько кресел и софа, Тут же - ванная комната. Таким образом, в кабинете при необходимости можно и заночевать. В распоряжении каждого члена парламента - компьютер, телевизор и видеомэгнитофон. Ежемесячно прибывающим членам парламента горд преподносит корзину фруктов и цветов.

Во Дворце Европы есть несколько полукруглых небольших залов для встреч политических групп, а также комнаты, предназначенные для работы различных комиссий. Нельзя не сказать о барах, ресторанах и кафетериях, служащими не только для утоления голода, но и являющихся местами встреч и общения. (Фактически день в Европарламенте начинается в 8 часов утра и не всегда заканчивается даже к 9 часам вечера, поэтому неудивительно, что бары и кафетерии выполняют и такую функцию). Здесь вы можете встретить всех политических лиц, от простых служащих до группы президента. Имеется по крайней мере три важных места. Одно из них - «пресс-бар», расположенный рядом с пресс-залом и офисами журналистов. Там всегда можно узнать новости дня, последние слухи и т.п. Там же обычно проходят брифинги политических лидеров. Другое популярное место - «бар водителей», находящийся на 2 этаже рядом с кабинетами членов парламента.

С началом заседаний наблюдается большой всплеск активности: лифты и лестницы переполнены. Каждый знает, какой звонок означает открытие очередного заседания, какой предупреждает о начале голосования, когда необходимо быть на своем месте. Во время заседаний очень популярен «полукруглый бар».

Фактически жизнь депутатов во время сессии в Страсбурге сконцентрирована в 3 дня. Сессия начинает свою работу в понедельник в 3 часа дня. Члены парламента прибывают с 10 утра. Перед всеми кабинетами находятся почтовые ящики, куда поступают документы, которые понадобятся во время сессии. В полдень около этих ящиков можно наблюдать большую активность: поиск, просмотр, изъятие необходимых документов. Однажды я должен был трижды приходиться на встречу с

депутатом, поскольку ему необходимо было отлучаться для того, чтобы забрать документы из ящика и разобрать их.

По звонку с обсуждения повестки дня начинается работа сессии. Это важный момент для тех, кто интересуется тем или иным докладом и не хочет, чтобы его отложили или обсуждали при неблагоприятных условиях. Отражая события нескольких предыдущих месяцев, повестка дня, заранее подготовленная в главном офисе, часто видоизменяется в последнюю минуту. В течение сессии члены парламента обсуждают около 30 тем; здесь будут устные вопросы с дебатами или без, непредвиденные темы, дебаты по поводу большой политики и голосование по таким вопросам, как «акт объединения», где для принятия требуется большинство в 260 депутатов.

На сессия могут быть подняты самые разные темы: от прав человека до бычьего энцефалита, не говоря уже об общих вопросах политики. Члены парламента должны привыкнуть в этому виду умственной гимнастики, состоящей в резких переходах от одной темы к другой, от самого пустякового вопроса - к самому сложному. После отъезда из Страсбурга члены парламента должны посещать заседания комиссий, членами которых они являются. Эти заседания длятся по 2 недели в месяц в Брюсселе. Они проходят за неделю до парламентских заседаний. В общем, работа в комиссиях и группах занимает два с половиной дня, в это время депутаты привязаны к офису в Брюсселе. Выходные дни большинство депутатов предпочитает проводить на родине.

Вернемся вновь в Страсбург, где кроме рассмотренных нами пленарных сессий существуют и другие заседания. Работают группы для согласования позиций, для координации точек зрения, которые иногда очень различаются даже внутри одной политической группы вследствие различий национальных интересов. Идут рабочие заседания групп, проходят межгрупповые встречи, заседания комиссий. Короче говоря, член парламента вынужден постоянно бегать с мест на место. Надеяться застать депутата в его рабочем кабинете практически бесполезно. В принципе, там должны дежурить помощники, но им часто нужно отлучаться за документами, ксерокопировать их, забегать к другим должностным лицам, посещать те заседания, куда не попадает по каким-либо причинам депутат. Однажды я в течение нескольких часов следовал за помощником британского депутата-консерватора, мы ходили из одного конца Дворца в другой, то и дело с кем-то встречаясь и общаясь. Такие контакты нередко случайны, но совершенно необходимы в работе.

Я нашел чрезвычайно интересным, что здесь имеет место не «организация времени», а его дезорганизация. Дворец Европы напоминает улей. Здесь такое безостановочное движение, что иногда теряешь из виду цель всех этих бесконечных приходов и уходов. Нельзя ожидать слишком большой плотности депутатского расписания, так как с самого начала известно, что повестка дня может измениться в последнюю минуту. К тому же в течение этих дней депутаты принимают массу людей: к ним часто обращаются, например, лоббисты, представляющие фирмы или особые группы интересов. Многие встречи происходят вне зала заседаний, всегда

можно попросить дежурного позвать депутата для разговора с представителем его партии. Любой разговор, однако, прерывается по звонку, извещающему о начале голосования. Иногда можно видеть депутата, внимательно следящего за телеэкраном во время оглашения последовательности выступлений: скоро ли настанет его очередь, которую он не хотел бы пропустить.

Угол, где люди сидят в ожидании парламентариев, многозначительно назван «скамьей лоббистов». Пространство вокруг зала заседаний служит той же стратегической цели, что и сам зал: с одной стороны, мы можем видеть депутатов, общающихся между собой по тому или иному вопросу, с другой стороны, там же они встречаются с лоббистами, журналистами, адвокатами и пр. Там же оборудована площадка для радио- и телепередач, где депутаты могут сделать заявление или появиться в интервью для своей страны. В этой импровизированной студии есть кресло, европейский флаг и набор национальных флагов. Именно здесь любит появляться французский президент в передачах вечерних новостей.

Многие политики пользуются этой площадкой. Они пытаются, помимо прочего, завладеть вниманием журналистов, освещающих деятельность общеевропейских институтов. Для последних поездка в Страсбург - почти бесполезная трата времени (основная работа для них - в Брюсселе), но они все реже и реже игнорируют сессии Европарламента: некоторые дебаты собирают более 200 журналистов, в среднем же их собирается здесь около 190. В Страсбурге строится новое здание для пресс-центра. В то же время и в Брюсселе возводится здание, включающее и зал заседаний, и офисы. Зная это, начинаешь задумываться о цене неспособности Европейского Сообщества остановить свой выбор на одной штаб-квартире. Трата времени на переезды и дополнительные расходы - весьма веские аргументы против Страсбурга. Однако многие французы и те, кто выступает против централизованной модели Европы, могут легко возразить, что единая штаб-квартира в Брюсселе приведет к чрезмерной концентрации бюрократической власти. И все же значительное большинство парламентариев поддерживает переезд в Брюссель, и только вето французского президента стоит на пути реализации этого желания.

Таким образом, к многообразию национальных интересов добавляется еще и факт раскола общеевропейских институтов на две или даже три части (чиновники находятся в Люксембурге). Потолкавшись среди людей, которые проводят свое время в беготне с места на место, не всегда легко ощутить сплоченность их политического действия. Разорванность пространства и времени - прямая противоположность федералистской мечте об интеграции и гармонизации, а бесконечное разнообразие субъектов в Европарламенте только подчеркивает эту фрагментарность. Является ли это необходимой ценой динамизма этого института, возникшего на наших глазах в качестве партнера в строительстве Европы? Или это результат неспособности открыть политические дебаты в европейском масштабе: где разобщенность повседневной политической деятельности была бы только отражением болям глубокой болезни? В любом случае, вопрос достоин рассмотрения.

Пойдем же теперь немного дальше, попробуем посмотреть на самих депутатов: кто они и что они делают на самом деле.

ПОЛИТИКА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Что такое член Европейского парламента? В противоположность политике местного или национального масштаба, представляющему четко определенную территорию или население, европейский политик явно лишен связей с определенной территорией. Это вытекает из самой природы Европейского парламента: его компетенция распространяется на 12 стран, составляющих ЕЭС. Он постоянно работает как на очередных сессиях, так в различных группах и комиссиях, с коллегами из других стран. Распорядок его работы таков, что он в принципе мало времени проводит в своей родной стране. На поверхности это проявляется в том, что он много ездит не только между Страсбургом и Брюсселем, но и в различные европейские страны. Членство в Европарламенте, таким образом, представляется во многих отношениях противоречащим требованиям внутренней политической жизни стран-членов ЕЭС: иметь национальные корни и быть национальным представителем. Не вредит ли в этих условиях профессия европейского политика идее национальной политической карьеры? Европейская политика как таковая не существует. Власть Европейского парламента ограничена. Он был вынужден настойчиво бороться за расширение сферы своей деятельности. В то же время формирующийся единый европейский рынок предполагает повышение роли европейских политических институтов. В противоположность сложившемуся имиджу политики, в которой избранный ответственный руководитель остается максимально видимым на протяжении всего срока своего депутатства и является членом ключевого института политической жизни, здесь мы видим депутатов, имеющих весьма расплывчатое впечатление о населении, которое они представляют, и институт с растущим влиянием, но не играющий такой важной роли, как национальные парламента. Это порождает ряд вопросов относительно политических полномочий членов Европарламента. Каким образом они были избраны в этот институт? Какова связь между политической деятельностью на местном, национальном и европейском уровне? Является ли член Европарламента действительно политиком или мы должны рассматривать его или ее как «эксперта»? Отталкиваясь от анализа нескольких значительных случаев, я хотел бы рассмотреть эти вопросы.

Здесь мы имеем дело с необычным политическим учреждением, так как прежде политика имела дело прежде всего с проблемами национального масштаба. Но с 1979 г. выборы на основе всеобщего избирательного права сделали европейского депутата политическим деятелем со своими особыми правами. Однако большинство политиков в различных странах ЕЭС отдают предпочтение национальной карьере. Быть избранным в Европейский парламента - это отнюдь не обязательно является плюсом для национального политика. Для части политиков их офис в этом парламенте

является утешительной премией или вознаграждением за оказанные услуги. Имеется слой европейских депутатов более старшего возраста, имеющих за плечами долгую историю политической деятельности на национальной политической арене. Среди них много бывших итальянских, португальских, испанских и французских министров, включая таких лидеров как итальянец Коломбо, бывший французский премьер Фабиус, бывший Президент Франции Жискара Д'Эстен. В двух последних случаях выборы в Европарламент - это часть более сложной стратегии, связанной либо с избирательной кампанией (как в случае с Фабиусом), либо с личной позицией в Европе (Жискара).

В большинстве случаев европейские представители являются прямым продуктом политической машины: они либо работали в национальных или региональных органах партии, либо участвовали как «эксперты» в связанных с партиями ассоциациях и комиссиях. Многие были профессорами, юристами, экономистами или гражданскими служащими, но все поддерживали более или менее тесные отношения с партией, которая направила их в Страсбург. Если попытаться классифицировать их, то надо провести грань между теми, кто уже избирался в политические органы на местном или национальном уровне, и теми, для кого Европарламент является новым опытом, и кто до этого был лишь частично вовлечен в политику.

Как отмечалось выше, место в Европейском парламенте часто является скорее вознаграждением, чем реальным продвижением. Можно весьма легко выделить «стариков», бывших депутатов или бывших высокопоставленных министров, которые производят впечатление, будто они пришли сюда закончить свою карьеру или подождать лучших дней. Так, я встретил Бернарда Раймонда, бывшего Министра иностранных дел при Жискаре, который выдвигался как кандидат на национальных выборах 1989 г. и проиграл в Высоких Альпах, где он был мэром. Очевидно, что для него Европарламент - это место ожидания. Другие бывшие министры приняли свои новые позиции близко к сердцу и сегодня они заняли ключевые должности в парламенте.

Следующая группа более молодых политиков: 1/3 депутатов (138 человек) имеют возраст менее 45 лет. Это омоложение Европейского парламента стало более заметным после проведения выборов на основе всеобщего избирательного права. В этом контексте парламент является продвижением для того, кто рассматривается как перспективный деятель. Чтобы достичь своих целей, они должны продемонстрировать свою компетентность, особенно в работе различных комиссий. Такие «юные члены» обычно относятся к своим обязанностям очень серьезно и упорно работают над своими проектами. Один из них - 35-летний голландский либерал G. de Vries, избранный в 1984 г. Он адвокат, очень рано ставший специалистом по международному праву. В то же время он участвовал в деятельности Либеральной партии как президент «Молодых либералов», секретарь комиссии по иностранным делам своей партии. Однако он отказался участвовать в национальных выборах 1982 г. Господин de Vries стал членом комиссии Европарламента по внешнеэкономическим вопросам,

проявив особый интерес к проблеме квот на аудио- и видеопрограммы. Он написал один из первых докладов по этому вопросу, в котором и развил свои либеральные идеи. Речи de Vries по любому вопросу общей политики всегда исходят из общеевропейской позиции. Он стал горячим сторонником наднационального подхода. Это не означает, что он отбросил возможность политической карьеры в своей собственной стране. Он предал городу Лейден и ни в коей мере не стал бы отказываться от поста министра иностранных дел. С этой точки зрения его опыт работы в Европейском парламенте представляет собой капитал для него самого и вклад в работу парламента. Это капитал, потому что основательное знание европейских дел становится все более и более необходимым для лиц с амбициями на национальной политической арене; общеевропейская точка зрения расширяет горизонты, открывая возможность развития новой политики на национальном уровне. De Vries не является исключительным случаем. Можно перечислить еще некоторых политиков с такими же характеристиками.

Ясно, что те, кто выбрал карьеру европейского политика очень полезны для парламента, но в то же время благодаря этому они становятся экспертами в сфере своей деятельности. Однако, если учесть все множество параметров этой деятельности, то этот путь оказывается весьма сложным. Вдобавок к этому, работа в комиссиях отнимает большую часть времени, отводимого депутатом своим должностным обязанностям. Возникает вопрос: в какой мере эта работа носит технический характер? Если учесть сложность проектов, то встает вопрос: в какой степени он все более и более превращается в технического работника? При написании докладов и поправок к различным проектам он мобилизует навыки различных ответственных работников, он также должен выслушивать представителей групп интересов, задеваемых данным проектом. Например, если вас выбрали сделать сообщение относительно проекта, касающегося рекламы фармацевтической продукции, и вы еще не являетесь экспертом в этой области, то вы немедленно погрузитесь в совершенно новый мир, с которым вы быстро познакомитесь благодаря служащим Европейского парламента и Европейской Комиссии в Брюсселе. Более того, вскоре вы станете мишенью для лоббистов: представители многих фирм быстро вступят в контакт с вами и предложат сотрудничество. Само собой разумеется, что, помогая вам, они преследуют свой интерес, но вы также нуждаетесь в информации, которую эти люди могут предоставить вам.

Работа депутата связана с созданием настоящей сети связей. Среди них необходимо выделить контакты между помощниками, между чиновниками, работающими непосредственно для политических групп, и между ответственными работниками различных департаментов Европейского парламента. Кроме того, возникает сеть контактов с приятелями и знакомыми, начиная со связей в органах управления своей страны и кончая лоббистами, которых затрагивает его деятельность. Вовлекаясь в подготовку доклада, депутат может проверить себя. Через некоторое время он может даже стать «экспертом» и получить более ответственное поручение. Именно это случилось с итальянцем Роберто Барзани. Бывший мэр города и член Итальянской

коммунистической партии однажды получил поручение собрать материалы относительно наднационального телевидения. После этого он стал ответственным за решение всех проблем, касающихся телевидения и оказался президентом комиссии по культуре. Теперь Барзани - одна из ключевых фигур в Европейском парламенте. Он один из тех, кто оставил в прошлом пост на местном или региональном уровне, чтобы пробивать себе дорогу в европейских лабиринтах. Европарламент поначалу вызвал у него недоумение, поскольку, если политика действительно и присутствует здесь, то она существует при отсутствии какого-либо отношения к власти. Каково же место политики в Европейском парламенте?

Здесь удивляешься контрасту с национальными парламентами. Сегодня имеется одна сфера вне бюджета, где власть Европарламента выросла: кооперация, связанная с «Unity Act». Пассажи директив и поправок, формулируемых там, требуют большинства. Чтобы собрать необходимые 260 голосов, необходимо идти на компромиссы. Это заставляет основные парламентские группы, особенно социалистов, постоянно прилагать усилия для завоевания большинства. Подобные задачи решаются и в национальных парламентах, однако имеется и существенное различие, поскольку в национальных парламентах мы имеем дело с однородными группами. Здесь же, в Европейском парламенте, задача представляется более сложной, поскольку каждая группа состоит из представителей разных наций; и эту разнородность, коренящуюся в разнообразии политических культур, нельзя недооценивать. Кроме того, когда мы говорим о групповой дисциплине как обязательном элементе работы института, то необходимо понимать, что дисциплина никогда не является ни естественной, ни автоматической.

ДЕПУТАТЫ ЕВРОПАРЛАМЕНТА - КТО ОНИ?

Теперь мы подошли к парадоксу в самом сердце системы. Что определяет избранного деятеля в качестве представителя? В контексте такой централизованной страны как Франция национальное включает местное таким же образом, как всеобщее включает особенное. В общеевропейском контексте понятие европейского представительства в таком же смысле как и выше описанное национальное представительство является более проблематичным. Европейское не включает национальное подобно тому как национальное включает местное в различных странах-членах БЭС; в противном случае это означало бы, что политически объединенная Европа стала свершившимся фактом.

Напротив, депутаты парламента утверждают свою роль как представителей, когда подчеркивают в речах и действиях свои национальные интересы и свое происхождение. Отсюда такой парадокс: будучи членом Европейского парламента, я являюсь частью Европы, я европеец; но я здесь потому, что я воплощаю в себе особое национальное государство. Иначе говоря, депутаты создают Европу в процессе длительного акта творения, но они не являются Европой. Их легитимность прикована к национальному.

Бернард Таро сказал это совершенно ясно: «Сфера моей деятельности - Европа; мой избиратель - Франция». Чем больше депутат парламента стремится представлять определенную территорию или население, тем больше вероятность того, что он оказывается в конфликте с Европой как целым. Этот парадокс коренится в несовпадении двух ролей члена парламента: роли представителя и роли законодателя.

Это противоречие между парламентской и представительской деятельностью иллюстрируется дебатами, которые периодически возникают в комиссиях по таким вопросам как сельское хозяйство или окружающая среда. Противоположные позиции, которые при этом явно возникают, являются результатом расхождений не в политике, а в национальных стратегиях, которые порою трудно примирить. Никогда нельзя недооценивать того факта, что член парламента всегда рассматривает себя как представителя национальных интересов. С этой точки зрения он получает помощь в форме более или менее эффективного влияния правительства своей страны. Роль министра европейских дел состоит именно в том, чтобы обеспечить кооперацию экономических партнеров, находящихся в сфере действия национальных и общеевропейских политических институтов, особенно Европейского парламента. Все сильнее становится присутствие национальных лоббистов вокруг парламентариев. Один из примеров - фирма «Томсон»: в течение длительного времени эта компания удовлетворялась слежением за европейской политикой посредством своего директора по международным делам, который работал главным образом с членами Европейской комиссии или с участвующими в ней французскими министрами. Сейчас представитель этой фирмы постоянно присутствует на заседаниях парламента и комиссий. Причина состоит в том, что готовящиеся решения в области телевидения представляют стратегический интерес для французской промышленности, поэтому французские депутаты Европарламента должны осознавать последствия своих действий. С этой целью все лоббисты и стремятся получить необходимую поддержку всех партийных групп своих стран.

Давайте не будем забывать, что Европейский парламента с его 10 политическими группами (плюс те, кто остался независимыми) и его членами из 94 различных национальных партий по определению является группой, где политические идентичности выходят за национальные рамки. Есть ли в реальности такая вещь как европейская демократия? Могут ли на место борьбы национальных интересов прийти дебаты, в которых политические вопросы выходят на первый план? Эти вопросы не имеют однозначного ответа.

1) Ввиду той роли, которую играет Европейский парламента в институциональном треугольнике ЕЭС и необходимости завоевания большинства для реализации директивных проектов, политическая сторона споров сильно ослабляется необходимостью компромисса и техническим (узко специальным) характером текстов.

2) Осознание национальных экономических интересов подталкивает депутатов голосовать вместе в соответствии с международным

партийным делением. Они формируют единый фронт по таким вопросам как коммуникации, сельское хозяйство и т.д.

3) Специфические национальные интересы делают задачу лидеров политических групп значительно более сложной. Например, однажды я посетил собрание Социалистической группы, посвященное событиям в Персидском заливе. Война только что разразилась и они старались найти общую позицию. Заметная грань проходила между антиамериканской левой позицией части рабочих партий, прежде всего греков, которые критиковали американский империализм, и французскими, испанскими и германскими депутатами, которые одобрили вмешательство союзников. Это вытекало из различий между политической историей такой страны как Греция, где антиамериканизм является фундаментом социализма, и более умеренными традициями таких групп как Французская социалистическая партия.

4) Помимо вопросов общей политики, в тактике политических групп также обнаруживается различный подход, обусловленный спецификой политических культур. Примером являются В.Жискар Д'Эстен и Либеральная группа. Жискар Д'Эстен был избран депутатом Европейского парламента в 1989 г. как лидер партийного списка правых. Его список получил больше голосов, чем умеренные во главе с С.Вейлом. Так Жискар стал членом Либеральной группы. Фактически французские правые и умеренные были разделены на две группы: либералов и христианских демократов. Жискар унаследовал от С.Вейла пост руководителя Либеральной группы. Однако либералы получили только 49 мест против 122 мест христианских демократов. Более того, социалисты и христианские демократы заключили соглашение о том, что председательствовать в Европейском парламенте по полсрока будут эти две группы. Единственное решение, оставшееся В.Жискар Д'Эстену - присоединиться к христианским демократам. И в декабре 1990 г. он предложил вхождение либералов в группу христианских демократов.

Это был громкий провал: члены его группы воспротивились и он был вынужден пойти на попятную. Причина состояла не только в несколько противоречивой фигуре бывшего французского президента, но и в специфическом характере политических историй участников этого процесса. Голландские и португальские депутаты, с которыми я смог поговорить, объяснили, что В.Жискар д'Эстен совершил серьезную ошибку. В большинстве европейских стран имеются две различные политические традиции: с одной стороны - христианская, с другой - светская. Если даже по определенным вопросам позиции либералов и христианских демократов совпадают, то все равно раскол между светским и клерикальным остается фундаментальным. Ситуация в лагере французских правых иная: UDF объединила христианских демократов, радикалов и республиканцев. Предложение Жискара, безвредное с точки зрения французской политики, вызвало основательное раздражение других либеральных групп Европы. На этом примере можно видеть, как сильно национальные политические традиции могут влиять на тактику международных политических групп в Европарламенте.

Ни в коей мере нельзя недооценивать значение традиций и национальных интересов. Это – источник напряженности в отношениях различных групп и комиссий. Если к этому добавить, что большинство депутатов имеют также местные и региональные связи, корни, тогда становится понятно, что мы все еще далеки от завершения формирования институциональной практики, сориентированной главным образом на интересы Европы. В то же время очевидно, что избирательная система, концентрирующаяся больше на местном уровне, укрепляла бы парламент. Многие деятели хотели бы заменить выборы на национальном уровне более локализованной системой (например, региональными списками во Франции). Их аргумент состоит в том, что избиратели в этом случае чувствовали бы большую заинтересованность в деятельности Европейского парламента. Но «регионализация» данного института создала бы в конце концов другую опасность, вызвав все усиливающуюся фрагментацию. В этом для депутатов от местностей таится большой соблазн выбора местнического стиля. Например, во время доклада о сельском хозяйстве во время пленарной сессии я вдруг увидел, как французский депутат от группы RDR начал страстную тираду относительно обнищания фермеров в районе Creuse. Немного позже я заметил этого же депутата в холле в окружении группы фермеров, благодарящих его за то, что он поднял вопрос об их положении. Это были приезжие из Creuse, которых депутат пригласил посетить сессию. Его речь была явно сориентирована на них.

Сейчас 147 из 518 членов Европейского парламента занимают те или иные должности в местных органах. Многие другие занимали такие должности в местных или региональных до своего избрания в парламент и теперь сохранили определенные обязательства в местных партийных органах. Это означает, что они стремятся получить через парламент субсидии и иные виды помощи Европейского Сообщества для своего региона (особенно посредством Европейского Фонда регионального экономического развития).

Может ли Европейский парламента выйти за эти рамки и развить общеевропейский подход, не сводя в то же время роль депутатов к роли «экспертов», не связанных с реалиями и заботами населения, которое они представляют? Члены парламента все более колеблются между двумя крайностями: одна – это местнический стиль или политические интриги национального уровня (например, Жискара), другая – особого рода абстрактный пыл тех, кто хочет быть пионерами единой Европы (Дюверже, Коломбо и т.д.). Некоторые депутаты, однако, имеют прямо общеевропейский взгляд и поведение. Так, я уже упоминал de Vries. Другой пример, заслуживающий внимания – бельгиец Фернанд Эрман. Его стратегия состоит в следующем: 1) разоблачение стоимости жизни вне объединенной Европы; 2) раскрытие «дефицита демократии» внутри ЕЭС; 3) стимулирование общественного мнения (посредством, например, финансирования изучения общественного мнения относительно власти Европейского парламента).

Эрман и некоторые его коллеги, придерживающиеся общеевропейской стратегии, находятся все же в меньшинстве. Европейский парламента является отражением обычного противоречия между осознанием

его депутатами все усиливающейся необходимости кооперации (читай: европейской интеграции) и существованием значительных особенностей и культурного разнообразия. В этом смысле трудности, испытываемые национальными делегациями в общении между собой в парламентских группах, отражают общую ситуацию. Существует и языковая проблема. Помимо того, что требуется целая армия переводчиков (в течение парламентской сессии должны быть обеспечены 72 лингвистические комбинации перевода), одновременное использование 9 языков также не стимулирует общение. Для меня была открытием встреча людей, которые после десятков лет работы в Европейском парламенте продолжают говорить только на своем родном языке, дополняя его плохим английским. Французы в этом отношении неисправимы, вслед за ними идут греки, итальянцы, португальцы. Посетив бары и рестораны Европарламента можно наблюдать, как общаются депутаты: они коротко приветствуют своих коллег из других стран, но выпивать предпочитают со своими соотечественниками.

Есть и практическая сторона дела: необходимость перевести каждый документ на 9 языков требует не только переводчиков, но и грузовики для перевозки тонн бумаги. Один депутат рассказал о своих первых днях в Европейском парламенте: «В первую ночь я впал в тоску, обнаружив 11,3 кг бумаги». Во время сессий поражает то, что политические речи претерпевают сокращение во время перевода. Чтобы быть понятым через переводчика, нужно быть кратким и упрощать свой язык до предела: никакой риторики или острот. Но несмотря на все это, послание иногда не проходит к парламентариям. Некоторые депутаты, знающие несколько языков, говорят, что часто поражаются тем волностям, которые допускают переводчики, когда нет возможности однозначного перевода. При переводе докладов часто проскальзывают неточности и противоречия, что мешает работе комиссии, внося в нее неверное понимание обсуждаемого. Так, на заседании комиссии по окружающей среде в последний момент было замечено, что голландский депутат получил текст, не совпадающий с текстами других членов комиссии.

Один португальский депутат (по профессии психоаналитик) отметил разницу между используемым переводчиком языком, порождаемыми им стереотипами и тем, что в действительности сказано. Как сказала она, «мы говорим, не слыша друг друга; здесь такая организация, при которой мы не слышим один другого». В то время как в результате энергичных усилий возникает экономический и политический союз, язык остается большой невысказанной правдой в процессе строительства Европы. Неспособность выбрать одну штаб квартиру для Европейского парламента отзывается эхом в невозможности найти общий язык.

Это исследование фокусируется на объекте, который является незавершенным, неполным по определению. В Европейском парламенте мы действуем как в мире возможностей. Никто фактически не знает точно, что ждет в будущем. С одной стороны, в Unity Act мы видим эволюцию не только технического характера; в ней проявляется восприимчивость, непредубежденность в отношении единой Европы. Однако в то же время

политическое проявление этой эволюции сталкивается со значительным сопротивлением даже на уровне правительств стран-членов ЕЭС. Ясно, что если процесс получит ускорение на политическом уровне, то парламент приобретет значительно большее значение. Если же говорить о депутатах, то здесь возможны варианты поведения, обусловленные не только вышеупомянутым культурным разнообразием, но и тем, считают ли они себя причастными к будущему этого института или нет.

Если подходить с практической точки зрения, то ясно, что изучение Европейского парламента - это своего рода гимнастика: фрагментация пространства и времени, множество языков - все это придает исследованию специфический ритм и методологию. Исследователь погружается в тесный мир, где люди действуют бок о бок, но при этом остаются пленниками своих национальных и региональных миров. Одна из трудностей состоит в проникновении в эти разнородные среды без утраты способности видеть то, что придает Европарламенту его цельность: определенное число общепринятых норм, участие в одних и тех же видах деятельности, принятие общего кодекса поведения. Я стараюсь как можно больше чередовать наблюдение собраний (комиссий, сессий, рабочих групп) с проведением интервью. У меня есть немало привилегированных информаторов (депутаты и чиновники), чью деятельность я наблюдаю с близкого расстояния, и которые встречаются со мной регулярно.

Моя исходная точка - индивиды, среда, из которой они пришли, представляемые ими интересы. И чем дальше я продвигаюсь в этом исследовании, тем больше мне кажется, что именно через работу с индивидами и их отношениями можно поднимать проблему политической практики в европейском контексте.

В заключении можно отметить, что антропологический подход к Европейскому парламенту проливает дополнительный свет на этот институт. Но данный подход не сводится к описанию его деятельности и критике. Наибольший интерес этого подхода, как представляется мне, состоит в выявлении противоречий и напряженности, которые не могут анализироваться в терминах функциональных и дисфункциональных действий. Я стараюсь анализировать эффект, создаваемый постоянным несоответствием того, что можно было бы назвать парламентской функцией, предполагающей законодательный и управленческий процесс в европейском масштабе, представительской функции, которая делает каждого парламентария выразителем специфических интересов (культурных, местных, исторических и т.д.). Короче говоря, именно исследование этой двойственной природы общеевропейской политической деятельности может быть плодотворным в том смысле, что оно вскрывает противоречия в самом сердце этого наднационального проекта. В отличие от стимулирующих выступлений (мы должны идти дальше, преодолевать препятствия и т.д.) и критических речей (отрицание Европы для технократов, Европы для богатых и т.д.) антропология может открыть новые перспективы анализа этой особенно сложной политической реальности.